

Пастернак Борис

Охранная грамота русской поэзии

Константин КЕДРОВ, «Новые Известия»

День рождения Бориса Пастернака прошел в его доме-музее в Переделкино под пение и музыку актеров «Новой оперы». Рояль, разобранный в середине 80-х на части и выброшенный в окно, снова на своем месте в той комнате, где стоял он и при Пастернаке, когда на нем играл сам Нейгауз, а поэт «клавишей стаю кормил с руки».

Андрей Вознесенский, конечно же, читал стихи своего любимого гениального наставника и поэта: «Я пропал, как зверь в загоне». Да, в те годы переделкинская дача Бориса Леонидовича стала для него загонем. Кто-то передал Хрущеву слова поэта, где он назвал Сталина кровавым палачом, а Хрущева — свиньей. Железный Шурик Шелепин припомнит поэту эти слова и произнесет с высокой трибуны: «Свинья не сделает то, что сделал он». Хрущев сидел в это время в президиуме и довольно кивал. Казалось бы, дела давно минувших дней? Да нет, не совсем. Из пяти прошедших при мне годовщин поэта в Переделкине эта — самая тревожная. Впервые после десятилетнего поста власти снова взялись за литературу и стали расправляться с неугодными книгами руками новонабранных идеологических хунвэйбинов, идущих, конечно же, вместе.

Великий поэт...

Известно, что Сталин не раз вычеркивал имя Пастернака из расстрельного списка со словами: «Оставить этого небожителя». Вряд ли Сталин подозревал, что именно небожитель впервые нарушит запрет на печатание за рубежом и отдаст рукопись опального «Доктора Живаго» итальянскому издательству. И роман-то окажется отнюдь не про небо, а про геноцид российской интеллигенции в годы гражданской войны. Хрущева больше всего взъярило, что личная жизнь какого-то доктора оказалась куда важнее всех

этих фронтов и классовых битв.

Власть в России все время ревнует к литературе. Николай I к Пушкину, Хрущев к Пастернаку. Хотелось бы, конечно, чтобы хоть сегодня Борис Леонидович отдохнул там, в заоблачных высях. Но, видно, не суждено ему, гениальному «литератору» (так называл себя поэт), стать небожителем. Он стал поэтическим предстоятелем на страшном суде XX века. Конечно, рядом с ним предстанут и Ахматова, и Мандельштам, и Цветаева... Богата русская земля поэтическими беженцами, мучениками и страстотерпцами. Судьба самого Бориса Леонидовича выглядит на этом фоне удачливой и счастливой. Лично его не тронули. Арестовали Ивинскую. Вот оно, русское счастье тихими переделкинскими окнами в сад.

И все бы ничего, но сразу после чтения стихов прошли мы с Андреем Вознесенским по узкой зазеленелой дорожке на его дачу. И показал мне любимый ученик Пастернака плетную книгу некоего Бронислава Горба «У трона революции» (М., 2002, Улисс-медиа). Я открыл и обмер. Книга вроде бы про Маяковского, но самая сокровенная ее часть и финал — нескончаемая ругань в адрес Вознесенского. Так не ругались со времен Сталина, Хрущева и Брежнева. «Уродование языка для литературы не новость. Во времена Сумарокова, в XVIII веке, сектанты глумились над русским языком, примерно так, как Вознесенский глумится над ним в XX». Приехали. Мы строили, строили и построили. Единственный поэт, которого Пастернак завещал грядущему, «глумится» над русским языком. Поэт, который написал «небом единым жив человек» и прошептал молитву «развяжи мне язык», глумится над языком. Человек, сказавший: «Есть лирика великая в кириллице», обвинен в неуважении к русской речи. «Макайте пальцы даже в соль. / Но музыку нельзя руками». Вот и все, что можно ответить, а можно и не отвечать, чтобы не нарушать тишину переделкинской обители. Слава Богу, что и на этом дне рождения Бориса Леонидовича снова звучал тихий голос Андрея Андреевича, написавшего еще в начале 60-х: «Тишины хочу, тишины. / Нервы, что ли, обожжены. / Горлопаны! Не наорались? / Тишины!».

Не наорались и никогда не наорутся, но существует для них неприступная крепость, обитель поэтов, огражденная тишиной.

У Пастернака есть произведение «Охранная грамота». Сегодня он сам стал охранной грамотой русской поэзии.

...и его
любимый ученик.